

Размышления над новой книгой

© 2002 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ, Г.Г. СИЛЛАСТЕ

НЕОБХОДИМА ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ?

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич - член-корреспондент РАН. СИЛЛАСТЕ Галина Георгиевна - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ.

Книга И.А. Гундарова имеет весьма многообещающий подзаголовок "Пути преодоления демографической катастрофы в России" [1]. Автор берет на себя особую ответственность, так как претендует не только на теоретический анализ проблемы, но и на практические рекомендации органам управления. Эти цели сформулированы уже в аннотации. Остается, однако, неясным, какая инстанция утвердила книгу в качестве учебного пособия? Увы, соответствующего грифа работа не имеет. И это неудивительно, поскольку ни по своему теоретическому содержанию, ни по своей методике она не отвечает требованиям, предъявляемым к учебным пособиям для студентов. А с точки зрения практических рекомендаций совершенно непригодна для органов власти, осуществляющих социально-экономическую политику. Наконец, неоправдан претенциозный заголовок книги: "Пробуждение". От чего, собственно, пробуждение? От демографического поведения населения? Увы, это "пробуждение" не наступило, никаких признаков его не наблюдается в брачно-семейных связях, равно как и в отношении к уже появившимся на свет детям или к их воспитанию (в стране, по утверждению Генерального прокурора В. Устинова, насчитывается 3 миллиона бездомных).

Тем не менее, следует отметить некоторые достоинства книги. К ним, прежде всего, отнесем характеристику ситуации в России как **демографической катастрофы**. Этот вполне оправданный вывод автор подкрепляет многочисленными статистическими данными, в том числе почерпнутыми из медицинской статистики, по-видимому, ставшей ему доступной, благодаря многолетней деятельности в различных учреждениях Министерства здравоохранения. Новые сведения существенно пополняют опубликованные ранее материалы и должны быть оценены по достоинству как определенный вклад в разработку демографических проблем современной России.

В своих публикациях мы также настаивали на термине "демографическая катастрофа", полагая, что термин "депопуляция" недостаточен для оценки российской ситуации 90-х годов и начала XXI века. Депопуляция означает устойчивое превышение показателя смертности населения под показателем рождаемости на протяжении достаточно длительного периода. В России данный показатель составлял в 2000 г. 6,6 и в 2001 г. 6,5 на 1000 человек [2, с. 243]. Это уже подлинная катастрофа, называть которую по сложившейся в демографической литературе традиции депопуляцией, значит преуменьшать масштабы национального бедствия.

Для оценки перспектив демографической катастрофы в России особое значение имеет коэффициент фертильности, фиксирующий число детей, рождаемых одной

женщиной в фертильном возрасте от 15 до 45 лет. Он должен превышать цифру 2, так как не все доживают до зрелости; не все женщины могут иметь детей по медицинским показателям и (что в наше время особенно существенно) далеко не все хотят их иметь по соображениям материального характера, карьерного роста, либо из эгоистических соображений (не говоря уже о таких случаях, как пребывание в местах заключения, занятие проституцией и т.д.).

В России к 2000 г. коэффициент фертильности упал до значения 1,171 [3, с. 97]. Это означает появление в среднем на свет немногим более одного ребенка на одну женщину в репродуктивном возрасте. С учетом более высокой смертности в младенческом (17 на 1000) и до пяти лет (20 на 1000) и в последующих возрастах, особенно среди мужчин в активном возрасте (20-45 лет), только для простого воспроизводства населения, т.е. сохранения его численности, данный коэффициент должен быть не ниже 2,2-2,3 (иными словами, вдвое выше, чем в настоящее время). Это поистине гигантская социально-экономическая и социально-психологическая проблема, и "пробуждения" населения в ее решении пока не удастся заметить.

К достоинствам книги следует также отнести широкий исторический подход автора. И.А. Гундаров показывает, как в годы нэпа в СССР в результате правильной социально-экономической политики властей был быстро достигнут решительный подъем в экономике страны и в благосостоянии населения. На этой основе демографический спад периода мировой и гражданской войн сменился увеличением рождаемости при снижении показателя смертности благодаря решительным мерам молодой Советской власти по охране здоровья населения. Ссылается автор и на успешный опыт преодоления детской беспризорности и безнадзорности в 20-х годах посредством вовлечения детей и подростков в производственный труд, осуществление всеобщего в объеме начальной школы (постановление Советского правительства, принятое в 1930 г.), поощрения занятий физкультурой и спортом в школе и во вновь созданной сети внешкольных учреждений (клубы, детские спортивные секции в кварталах, городах, при домах и дворцах пионеров и так далее).

Но, пожалуй, достоинства книги этим исчерпываются. Остановимся на ее недостатках, которые, на наш взгляд, являются прежде всего *методологическими*. Главный из них состоит в том, что автор полностью игнорирует *социологию* как важнейший инструмент изучения и объяснения демографических процессов. Введение в научный оборот данных медицинской статистики в значительной мере обесценивается полным отсутствием в монографии результатов социологических исследований. А ведь именно социологические исследования дают основную массу сведений о *субъективных мотивациях* социально-демографического поведения различных слоев населения. По-видимому, сам автор социологических исследований не проводил. Более того, И.А. Гундаров не счел нужным обратить внимание при подготовке книги на обширную социологическую литературу по интересующей его тематике, в том числе на материалы, систематически публикуемые в специальной рубрике, посвященной демографическим процессам, которая уже многие годы ведется на страницах журнала "Социологические исследования" [4].

Игнорируя социологический подход, автор, на наш взгляд, не видит, что *демографическая* катастрофа является составной частью *социальной* катастрофы, постигшей российское общество, и вне таковой она не может быть понята. При исследовании социально-демографических проблем нельзя не учитывать глубокую внутреннюю связь между социально-демографической структурой общества и структурой этнической, а также структурой социально-классовой. Все эти (и другие) разновидности социальной структуры в их взаимосвязи и образуют *социальную структуру общества*, которая изучается социологией как теоретической, так и эмпирической, и не сводится к сведениям, почерпнутым из государственной статистики. Заметим, что последняя имеет глубокое внутреннее родство с эмпирической социологией. Например, всероссийская (ее проведение предусмотрено на 2002 г.), а до этого всесоюзные переписи населения являются, по сути, не чем иным, как грандиозным субсидируемым государством

и проводимым под руководством государственного органа (Госкомстата) социологическим эмпирическим исследованием, в основе которого массовый сплошной опрос населения.

Игнорируя принципы теоретической социологии, автор односторонне анализирует **причины** демографической катастрофы в современной России. Он считает недостаточным общепринятое мнение, "что всему виной обнищание населения и непомерные финансовые затраты на уход за новорожденными и воспитание детей" [1, с. 88]. Социально-экономические факторы, по мнению И.А. Гундарева, играют второстепенную роль в рассматриваемых им процессах депопуляции, катастрофических для будущего страны. Более того, он считает, что "быстрое преодоление депопуляции в России возможно и при экономическом кризисе, если будут использованы **неэкономические** механизмы, имеющие нравственно-эмоциональную природу" [1, с. 108, выделено нами - М.Р., Г.С.]. Иными словами, духовные факторы лечения демографической болезни должны стоять на первом месте. В этом суть воззрений автора. В подтверждение нашей оценки сошлемся на аннотацию к рецензируемому труду, озаглавленную "**Учебное пособие для общества и власти**", в которой утверждается: "Главной причиной депопуляции в России является духовное неблагополучие: рост озлобленности, ощущение несправедливости, потеря смысла жизни".

Мы придерживаемся принципиально иной точки зрения. Разумеется, духовные факторы играют значительную, но отнюдь не главную роль в демографических процессах. Катастрофическая ситуация с естественной убылью населения не изменится решительным образом до тех пор, пока основная масса (80%) россиян живет в бедности или в нищете. Для улучшения социально-демографической ситуации в стране необходимо, как это показал опыт последнего десятилетия XX в. и первых двух лет правления В.В. Путина, **коренное изменение социально-экономической политики** правительства и, в том числе, принятие внутренне согласованной системы мер по поощрению рождаемости, помощи семьям (особенно молодым), обеспечению их хорошо оплачиваемой работой, а также жильем на льготных условиях, предоставлению государством значительных социальных субсидий на содержание, образование и воспитание детей. Если социально-экономическая ситуация, особенно для молодых семей, сохранится на нынешнем уровне, то, согласно среднему из трех прогнозов Госкомстата, население России уменьшится до 138,1 миллионов чел. к 2016 году [5, с. 1].

В вопросах методологии, идет ли речь о демографии или об истории, автор (а он не только медик, но и философ) непоследователен в своих выводах. Анализируя демографические проблемы восстановительного периода в истории советского государства (20-е годы XX в.), он рассуждает (в основном) как сторонник материалистического понимания истории. При этом И.А. Гундаров не разделяет взгляды вульгарного экономического детерминизма, против которого справедливо выступает в своей книге. Например, при анализе экономического и демографического подъема в нашей стране в первой половине 20-х годов он приводит рассуждения специалистов-марксистов о взаимодействии экономического базиса и всех "этажей" надстройки, справедливо отмечая, что "надстройка способна оказывать обратное воздействие, но и оно, в конечном счете, детерминировано общественным бытием" [1, с. 207]. Это высказывание почти дословно повторяет известное положение Ф. Энгельса (высказанное им еще в 1894 г.) "взаимодействии на основе экономической необходимости, **в конечном счете, всегда** прокладывающей себе путь" [6, с. 370].

Но близкая к материализму позиция автора претерпевает поворот на 180 градусов, когда речь заходит о кризисе, переживаемом нашей страной с конца XX в. Он пишет: "Россия всколыхнулась волной глобальных потрясений, необъяснимых с позиций материалистического понимания истории" [1, с. 207]. Да, с позиций экономического детерминизма крушение СССР и его распад, реставрацию "дикого" капитализма в России, повлекшую за собой социально-экономический кризис невиданной силы и демографическую катастрофу, объяснить невозможно. Автор, видимо, это понимает и пытается объяснить события последнего десятилетия и их демографические послед-

ствия "историческим идеализмом" [1, с. 213 и др.], причем, той его разновидностью, которая выдвигает на первый план психологические мотивы; например, жажду личной власти, честолюбие, персональные амбиции и т.п. По И.А. Гундарову, суть исторического идеализма - **"в объяснении исторических процессов законами психического порядка и использовании этих законов для целей переустройства мира"** [1, с. 209].

Это разъяснение автором его методологической позиции служит ключом для понимания главы, озаглавленной "Христианский проект справедливого строя". Автор, безусловно, является знатоком православного богословия. Глава читается как религиозно-политическая публицистика, обращенная к современности, а не научное исследование. Поэтому мы считаем возможным оставить ее без комментариев, но приведем лишь одну цитату, достойную внимания: "Продолжение либерального курса реформ в России является, по критериям Нового Завета, тяжким грехом, со всеми вытекающими нравственными последствиями" [1, с. 256]. Мы не являемся приверженцами православной религии, но с осуждением проводимого правительством либерального курса социально-экономической политики не можем не согласиться. По нашему мнению, появление в монографии отдельной главы религиозного содержания не является случайностью. По-видимому, это дань политической конъюнктуре и политической моде, явное желание поддержать стремление властей предрержащих заполнить духовную пустоту, образовавшуюся в российском обществе после отказа от коммунистической идеологии, православной религией, высшие иерархи которой находятся в близких отношениях с первыми лицами государства. Не поэтому ли в условиях провозглашенного Конституцией РФ 1993 г. светского образования в средней и высшей школе активными сторонниками внедрения религии в образовательную систему страны стали не только многие государственные деятели, как, например, министр образования В.М. Филиппов, но и такие видные ученые, как президент Российской академии наук Ю.С. Осипов, президент Академии образования Н.Д. Никандров, ректор МГУ В.А. Садовничий [7].

Игнорирование автором принципов теоретической и эмпирической социологии приводит его к неверным подходам при решении некоторых принципиальных вопросов демографии. Приведем два примера.

Пример первый. И.А. Гундаров оперирует данными по современной Российской Федерации в целом. Приходится напомнить набившую оскомину формулу о "средней температуре по больнице", так как именно эта формула наглядно иллюстрирует научную несостоятельность использования усредненных данных при изучении объекта, имеющего разнородную внутреннюю структуру. Между тем, Россия по своему этническому составу (при наличии определяющего русского ядра) разнородна, и поэтому демографические процессы в ней различны по характеру и тенденциям.

Главное различие состоит в том, что в исконно населенных русскими областях показатели смертности в два и более раз превосходят средние показатели рождаемости. В то же время в ряде национальных субъектов Федерации ситуация обратная. В 15 из 89 субъектов РФ рождаемость превышает смертность. Разумеется, это только одна десятая часть населения страны. Примерно 9/10 составляет славянское население (с учетом украинцев и белорусов, постоянно проживающих в России и не отличающихся по демографическому поведению от русских). И, тем не менее, даже 1/10 существенно влияет на общую демографическую картину. По данным Госкомстата, за 2001 г. общий показатель рождаемости по РФ 9,1 на 1000 человек населения и смертности 15,6, что дает отрицательную цифру естественного прироста (-6,5). Однако положение в коренных русских областях Центра и Северо-Запада несравненно более тревожное. Так, во входящих в Центральный федеральный округ Тульской области приведенные показатели соответственно 7,2 и 21,4; в Тверской области 7,6 и 21,9, что составляет естественную убыль в 14,2 и 14,3 на 1000 человек населения. В Северо-Западном федеральном округе выделяется Псковская область, где рождаемость (за исключением С.-Петербурга) самая низкая - 7,9, в то время как смертность самая высокая - 22,4. Это дает естественную убыль в 14,5 на 1000 человек населения.

Приведем теперь данные другого рода. В мононациональной Ингушетии естественный прирост населения достиг 14,9; в Дагестане он несколько ниже (10,8), [8, с. 6]. В других республиках цифры прироста ниже (в Карачаево-Черкесии - 40%, в Адыгее - 70%). Причины такого явления на Кавказе, а также в Туве и некоторых других республиках хорошо изучены демографами. Среди коренного населения до сих пор живы традиции репродуктивного поведения, сложившиеся еще при родовом строе. Высокий уровень прироста населения стал возможным благодаря изживанию эпидемий и голодовок в неблагоприятные годы, а также внедрению в быт населения медицинского обслуживания и мер санитарно-гигиенического характера.

Автор монографии проходит мимо этнического аспекта проблемы, хотя доля русского населения в РФ с 85% в 1991 г. после распада Советского Союза упала до 82% и продолжает снижаться. Иными словами, русский народ в эпоху "ельцинских реформ" оказался на пути вымирания, особенно в срединных областях коренной России, которые явились историческим ядром русского государства. Именно это явление получило название "русского креста", имеющего два смысла: как возможной гибели русского народа в XXI столетии, так и соотношения вертикальной и горизонтальной осей, символизирующих уровни смертности и рождаемости.

Второй пример. Социально-классовая структура и ее связь с демографией. Автор эту взаимосвязь игнорирует. Напрасно искать в его книге анализ показателей рождаемости и смертности по социальным группам и слоям населения. Даже выяснение дифференциации числа детей в семье и их выживаемости в зависимости от уровня семейных доходов в книге отсутствует. Между тем, бедность и нищета неразрывно связаны с детностью. С одной стороны, бедность ограничивает стремление иметь детей страхом за их будущее и возможным ухудшением материального положения семьи. С другой стороны, семьи, которые сознательно хотят иметь двух-трех и более детей, обрекают себя на невыносимые трудности. На слушаниях в Государственной Думе, организованных Комитетом по делам женщин, семьи и демографии, в докладе С.П. Горячевой отмечалось, что "каждая вторая семья с несовершеннолетним ребенком имеет среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума".

Какие же рекомендации для выхода из хронического экономического кризиса и демографической катастрофы предлагает автор? В числе мер он называет "неинвестиционные рычаги воздействия на экономику", возрастающую роль "идеальной энергии в экономическом и историческом процессах", "терапию смыслом жизни" [1, с. 220, 224, 258, 261 и др.]. Оставим в стороне рассуждения И.А. Гундарова чисто богословского характера с многочисленными цитатами из Евангелия, поскольку богословие не имеет прямого отношения к существу рассматриваемой проблемы.

В приложенном к монографии Манифесте российского народа, подготовленном «Ассоциацией независимых ученых "Россия-XX-XXI"», немало разумных предложений, которые требуют основательного рассмотрения. Вместе с тем, в "Манифесте", как и в книге, много общих рассуждений, но отсутствуют конкретные рекомендации путей и форм выхода нашей страны из демографической катастрофы.

Для нас очевидно, что выход из демографической катастрофы возможен только в том случае, если коренным образом изменятся условия жизни основной массы населения страны. Это должно означать, с *одной* стороны, восстановление "дореформенного" уровня питания (по калориям и по качественному составу) и потребления промтоваров массового спроса, а также возможностей получения жилья молодыми семьями. С *другой* стороны, необходимо восстановление у большинства населения в возрасте до 30 лет (когда, как правило, заключаются первые браки) стремления создать крепкую семью с двумя - тремя детьми. Родители должны иметь уверенность в том, что смогут обеспечить своих детей, дать им образование и профессию, в том числе, и получение высшего образования. Иначе говоря, родители должны испытывать внутреннюю потребность в рождении детей и быть уверенными в том, что общество будет стабильно развиваться и обеспечит своим молодым гражданам условия для нормальной жизни и плодотворного труда.

Между тем, меры, принятые правительством в 2002 г., явно недостаточны для улучшения демографической ситуации. Они предусматривают увеличение пособия при рождении ребенка с 1500 до 4500 рублей, пособия по беременности и родам со 100 до 300 рублей, пособия по уходу за ребенком до полутора лет, если мать не работает, с 200 до 500 рублей. Такие меры при нынешней стоимости жизни и средней зарплате в 3,5 тысячи рублей существенной роли в повышении рождаемости сыграть не могут. Это особенно очевидно в связи с тем, что основное детское пособие остается на уровне 70 (!) рублей в месяц (для одиноких матерей или отцов - 140 рублей), да и оно во многих регионах не выплачивается годами из-за отсутствия средств в муниципальных бюджетах.

Завершая рецензию, хотели бы напомнить читателям нашу главную мысль, сформулированную в ее заглавии: при проведении демографических исследований необходимо исходить из принципов теоретической и данных эмпирической социологии. При этом не следует применять при анализе одной, давно минувшей эпохи российского общества, исторический материализм, а другой - современной эпохи - исторический идеализм. Мы являемся убежденными сторонниками материалистической социологии, органически соединенной с диалектическим подходом к реальным общественным процессам и к их обобщению в нашем мышлении. На вопрос о том, как следует применять этот подход к современному этапу нашей истории, один из нас ответил в одной из своих работ подробно и основательно [10], и повторять сказанное вряд ли целесообразно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гундаров И.А.* Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Центр творчества "Беловодье", 2001. 350 с.
2. Социально-экономическое положение России. М, 2001.
3. Российский статистический ежегодник. 2000. М., 2001.
4. *Романюк А.И.* Демографическое будущее развитых обществ: между детерминизмом и свободой выбора // Социол. исслед., 1999, № 3; *Антонов А.И.* Демографическое будущее России: депопуляция навсегда? // Социол. исслед., 1999, № 3; *Баранов А.В.* О некоторых факторах популяционного процесса // Социол. исслед., 2000, № 7; *Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П., Харланова Н.Н.* Этнический фундамент населения России // Социол. исслед., 2001, № 4; *Рязанцев С.В.* Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Социол. исслед., 2002, № 1.
5. Об основных тенденциях развития демографической ситуации в России до 2015 года. Доклад. № 8-0-14/88, Госкомстат.
6. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 37.
7. *Борисов Ю.* Кесарю - кесарево, а богу - богово // Обозреватель, 2001, № 7.
8. Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации в 2001 году // Российская газета. 16 февраля 2002.
9. Россия может оказаться без будущего. См.: "Дума", приложение к газете "Правда России". 2002, № 6.
10. См.: *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. М., 2001.